

ОСОБЕННОСТИ КАЗАЧЬЕГО МОНАРХИЗМА конца XVII - начала XVIII века

Автор: Е. Н. ТРЕФИЛОВ

Своеобразие социальной и политической жизни донского казачества давно привлекает внимание историков. Главной его составляющей считается широкая политическая автономия Войска Донского, или, как писал в 1666 г. беглый подьячий посольского приказа Г. Котошихин, "дана им (казакам. - *Е. Т.*) на Дону жить воля своя"¹. Возникает вопрос, каким образом подобные "вольности" влияли на отношение казачества к российским царям. Историки неоднократно отмечали, что донцы, хотя и позволяли себе иногда выпады в адрес российских монархов, в целом относились к ним с большим почтением. Так, например, один из крупнейших исследователей донского казачества первой половины XX в. С. Г. Сватиков считал, что казаки "видели в царе общенационального вождя"², а, по мнению современного историка Н. А. Мининкова, "в личности монарха для казаков персонифицировалось само государство, а царь выступал в качестве гаранта его единства и силы"³. Кроме того, в научной литературе неоднократно отмечалось, что подобные настроения были свойственны не только донским старшинам, но и мятежным казакам, например, К. А. Булавину⁴, до тех пор, пока он не решил "отложиться" от русского царя.

Тем не менее, по мнению некоторых историков, казачий монархизм отличался от монархизма крестьян и посадских людей (если согласиться, что среди этих двух категорий населения преобладал так называемый "наивный" или "народный" монархизм). Казачий монархизм представлял собой более сложное явление. В отношении казаков к царю одновременно могли сочетаться иррациональное обожание и вполне трезвые оценки. Так, по мнению казачьего историка конца XIX - начала XX вв. Е. П. Савельева, казаки, с одной стороны, испытывали "благоговение пред царской властью, как олицетворением высшей правды на земле", а с другой, чтили "московских великих князей, а потом царей... не за то, что они в силу судеб владыки на земле, а за то, что они всегда признавали за ними их древнее священное казачье право"⁵. О. Г. Усенко отмечал, что "'наивный монархизм" у казаков был развит, пожалуй, сильнее, чем у крестьян и жителей посада. Причиной тому - привилегированное положение казачества как замкнутого военно-служилого сословия". В то же время "положительное отношение донских казаков к монарху было далеко от слепого обожания. Казачий монархизм подразумевал соблюдение обеими сторонами ряда условий"⁶.

В историографии существует и другая точка зрения, согласно которой, казаки, в отличие от крестьян и посадских людей, совсем не испытывали пиетета по отношению к российским царям. По мнению В. Н. Королева, казаки были реалистами и прагматиками, а никак не монархистами. Об этом свидетельствуют поступки донцов, противоречившие их заявлениям о верноподданстве, которые делались ими исключительно из политических соображений. Об отсутствии глубокой привязанности к царю, свидетельствуют, например, намерения Булавина связаться с турецким султаном, уход некрасовцев на Кубань и др.⁷

Итак, существовал ли в действительности казачий монархизм, и, если существовал, то насколько он отличался от монархизма посадских людей и крестьян? Рассмотрим данный вопрос на примере петровского времени, являвшегося одним из тех периодов в истории Российского государства, когда гнев казаков и других категорий населения неоднократно направлялся не только на "злых бояр", но и непосредственно на царя. При этом важно сравнить, насколько повсеместный характер носили антицарские выпады среди казаков по

сравнению с другими подданными, и какое влияние оказывали слухи о царе на умонастроения тех и других. Анализ

Трефилов Евгений Николаевич, аспирант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

стр. 125

самых выпадов против государя может быть весьма плодотворен для сравнения монархических настроений. Например, если правящего монарха ругают за то, что он поступает не так, как прежние государи, или вовсе отрицают его царское происхождение, то это вряд ли может свидетельствовать об отсутствии или падении престижа царской власти как таковой. Скорее наоборот, поскольку подобные выпады подчеркивают, что "настоящий", "правильный" царь не мог бы так поступить. Другое дело, когда хулители царя отрицают сам институт царской власти или говорят о нем уничижительно.

Особое внимание обратим на восстание К. Булавина и время, предшествовавшее этому восстанию. Начиная с 1700 г., на казаков стали поступать доносы, согласно которым они не только произносили различные "непристойные речи" в адрес Петра I, но и готовили заговоры против него⁸. Конечной хронологической точкой рассматриваемого периода следует считать 1708 г., когда казаки-булавицы приняли ряд решений, направленных против Петра I. Прежде всего, это намерение К. Булавина и его окружения, в случае неблагоприятных действий со стороны Петра I по отношению к восставшим, перейти в подданство к турецкому султану, выраженное в повстанческих письмах от 27 мая 1708 г. к кубанским казакам-раскольникам и к самому султану⁹. Отмечу также "заповедь" Булавина, "чтоб никто про именование великого государя не воспоминал". За несоблюдение этой "заповеди" и за разговоры о повинной царю полагалась смертная казнь¹⁰. С большой долей уверенности можно предположить, что уход на Кубань группы казаков во главе с И. Некрасовым под власть крымского хана в августе 1708 г. так же мог быть следствием антипетровских настроений среди казачества¹¹.

Среди источников, использованных в данном исследовании, необходимо выделить две группы: 1. Доносы и расспросные речи, как извечиков, так и обвиняемых по этим извещениям; 2. Письменные документы недовольных царем (донских казаков). Отмечу при этом, что к расспросным речам нужно относиться с большой осторожностью, поскольку показания у всех участников разбирательства часто добывались под пыткой. Нельзя исключить вероятности того, что обвиняемый, "не стерпя мучений", мог оговорить себя и других. По той же причине извечик мог отказаться от своего правдивого доноса. Более надежным источником являются документы, вышедшие непосредственно из-под пера самих казаков - воззвания и письма участников булавинского восстания¹². Безусловно, и к ним нужно относиться критически, но преимущество этих документов состоит в том, что они создавались без всякого воздействия со стороны властей и могли отражать истинные настроения казаков-булавицев. Особый интерес представляют упоминавшиеся выше письма кубанским казакам и турецкому султану, поскольку в них изложены причины недовольства царем.

Прежде чем перейти к ситуации на Дону, рассмотрим характер недовольства Петром среди других категорий населения. В исторической литературе общепризнано, что недовольство это было вызвано как неблагоприятным социально-экономическим положением, в котором в результате реформ оказалась большая часть населения России,

так и различными новшествами, воспринимавшимися как угроза православной вере (бритье бород, замена русского платья на немецкое и т.д.). Кроме того, не нравилась подданным и личная жизнь Петра: общение с немцами, развод с царицей Евдокией и др.¹³ Тем не менее, недовольные, по крайней мере, в большинстве случаев, не ставили под сомнение престиж царской власти как таковой. Такие легенды о Петре, как о царе-антихристе или об "обменном" ("подменном", "переменном") царе¹⁴, подчеркивали, что Петр - ненастоящий государь. "Какой де он нам, христианам, государь, - говорил примерно в 1704 г. некий монах Тихвинского монастыря, - он де не государь, латыш, поста де никогда не имеет и иных прельщает. Он де льстец, антихрист, рожден де от нечистая девицы"¹⁵.

Примерно в 1701 г. или 1702 г. жена дворового человека боярина Ф. Лопухина говорила: "Для того же стрельцов разорили и платье переменяли и тягости в мире стали, на Москве де переменной государь. Как де царица Наталья Кириловна родила царевну, а в то ж де время боярыня или боярышня, а подлинно не упомнит ж, родила сына, и того де сына взяли к царице и вместо царевны подменили"¹⁶. Интересно заметить, что даже в тех случаях, когда Петр не назывался антихристом или "обменным" царем, ругатели подчеркивали нецарственность его поступков: "какой де он Государь, он де бабоблудишко", или "какой де Государь и баб всех вытаскал в службу, все царство запустошил, кому де дань будет давать" и т.д.¹⁷ Ходили в народе и слухи, согласно которым государь находится в "стекольном (в Стокгольме. - *Е. Т.*) в заточенье" или вовсе умер. Они были весьма популярны среди участников Астраханского восстания 1705 - 1706 гг.¹⁸ Отсутствием настоящего государя повстанцы объясняли различные притеснения со стороны местного воеводы Т. Ржевского, введение немецкого платья и насильственное бритье бород¹⁹.

Важно отметить, что, несмотря на бытование вышеприведенных слухов и выпадов против Петра среди астраханцев, в их письменных документах (воззваниях и внутренней переписке)

стр. 126

они не нашли никакого отражения²⁰. Думаю, это связано с тем, что повстанцы, в том числе и самые решительные из них, не были полностью уверены в правдивости этих слухов²¹. Поэтому без всяких сомнений астраханцы приняли грамоту приказа Казанского дворца²², которая рассеяла последние тревоги насчет царя²³. Несмотря на отдельные выпады в адрес Петра²⁴, большая часть повстанцев продолжала надеяться на милость государя вплоть до разгрома восстания²⁵. Таким образом, недовольство астраханцев действующим монархом не следует преувеличивать²⁶.

Все вышеотмеченные легенды о Петре и выпады против него, варьируясь, а порой причудливо смешиваясь между собой, бытовали среди различных слоев населения Российского государства: бояр, дворян, стрельцов, духовенства, а особенно среди солдат, крестьян и посадских людей²⁷. В большинстве случаев, недовольство простонародья направлялось не против законного царя, а против узурпатора, якобы захватившего престол²⁸. Отсюда идеализация в народном сознании царевича Алексея, отмеченная еще задолго до его конфликта с Петром²⁹.

Как известно, в последние десятилетия XVII в. Войско Донское начало терять свои былые права и вольности, причем один из ударов по казачьим вольностям был нанесен как раз накануне рассматриваемого периода. После взятия Азова и заключения в 1700 г. мирного

договора между Россией и Турцией казакам было запрещено совершать военные походы в пределы турецкого султана и крымского хана³⁰. Это стало сильным ударом по экономике донцов³¹, поскольку походы "за зипунами" были всегда важной статьёй их доходов³². После взятия Азова Войско Донское перестало также быть окраинным форпостом и превратилось как бы во внутреннюю территорию Российского государства. Теперь московскому правительству сначала через азовского воеводу, а потом и губернатора стало гораздо легче контролировать казаков³³. Благодаря вышеотмеченным обстоятельствам, участились вмешательства России во внутренние дела Войска Донского. Так, например, казакам предписывалось заселение и обслуживание почтового тракта между Валуйками и Азовом³⁴. Правительство вводило ряд ограничений на ловлю рыбы, вырубку лесов и пр.³⁵ Кроме того, различные территориальные споры, возникавшие на границах Войска Донского, разрешались также не в пользу казаков. Спорные территории "отписывались на государя". Так было с бывшими Коренной и Савальской вотчинами Тамбовского епископа Игнатия и с бахмутскими соляными промыслами³⁶. В обоих случаях имел место вооруженный конфликт. И, наконец, российское правительство покусилось на исконное, с точки зрения казаков, право не выдавать с Дона беглых³⁷.

Вслед за некоторыми историками³⁸ можно предположить, что именно эти действия правительства, или, по крайней мере, некоторые из них, стали причиной недовольства Петром среди казаков. Правда, еще СМ. Соловьев, придерживавшийся этой версии, считал, что таких недовольных на Дону было немного³⁹. О. Г. Усенко пришел, в сущности, к тому же выводу. Более того, он полагает, что сведения об антипетровских настроениях либо сильно преувеличены, либо вовсе несостоятельны⁴⁰.

Обычно для характеристики антипетровских настроений историки привлекают сведения, полученные из извета донского казака верхнекаргальского городка И. Резанова 1700 г. По его словам, в январе того же года он был в гостях у попа Ромашки Иванова в казачьем городке Кумшаке. В присутствии многих казаков этот поп говорил следующие "непристойные слова": "Ныне де им на Дону от Великого Государя тесно становится, как де он, Великий Государь, изволит быть на Дон, мы де его, Великого Государя, приберем в руки и отдадим его, Великого Государя, к турецкому султану, так де у них Дон будет по-прежнему, а прибрать де его, Великого Государя, в руки им и малыми людьми свободно для того, что де он, Великий Государь, изволит по реке Дону ходить в шлюпке с малыми людьми, а их де в том умысле соберется человек с триста или с четыреста, да и многие де от них не отстанут, и те де казаки все, которые у него, Ромашки, в то время были, говорили те ж речи"⁴¹. В другой раз Резанов показал, что слова эти говорил казак Потап Мухин⁴².

Важно отметить, что, по словам изветчика, после того, как был захвачен Азов, "по се число донские казаки во всех городках переговаривали, чтоб Великого Государя прибрать в руки, так де у них Дон будет по-прежнему"⁴³.

Если верить Резанову, то Иванов не ограничился этими "непристойными словами". Поп учил казаков, что "седми де днями совершися мир, а как седми тысяч лет совершитца, конец веку будет, и описует де, что у Антихриста будут ноги коровьи, и возлюбит де он еллин, а русских людей откинет и чести руским людям не будет, и молвил про Великого Государя - то-то де Антихрист, у него де ноги коровьи, что носит башмаки немецкие, видите де вы и сами и разумеите и бегите от него прочь, чтоб вам не принять его антихристовой печати"⁴⁴.

Соловьев не отрицает, как таковое, намерение недовольных казаков схватить Петра. Однако, основываясь на словах "а прибрать его в руки нам и малыми людьми свободно", делает

стр. 127

вывод: "Таким образом, сами недовольные признавались, что у них мало людей"⁴⁵. По мнению Усенко, подобного намерения не существовало. Свою точку зрения историк основывает на том, что донос был признан ложным⁴⁶. Действительно, никто из обвиняемых не признал даже под пыткой возведенных на них обвинений⁴⁷, в то время как Резанов сознался в том, что "затеял он на них, казаков, и на Ромашку напрасно, спьяна"⁴⁸. За это, а также за другой донос, в ложности которого он признался, изветчик "по именному Великого Государя указу" от 29 января 1703 г. был казнен, а все, обвиненные им, были отпущены на свободу⁴⁹. Все, кроме Р. Иванова, который умер во время следствия⁵⁰.

Отмечу, что и ряд других свидетельств об антипетровских настроениях среди казаков отвергнуты Усенко на том основании, что и они в Преображенском приказе были признаны ложными⁵¹. Однако не страдает ли подобный подход излишней доверчивостью? Выше отмечалась специфика тогдашнего судопроизводства. Необходимо заметить также, что, по ряду изветов, на которые ссылается ученый, вообще не было проведено должного расследования, т.е. не были допрошены ни свидетели, ни обвиняемые. Тут сразу напрашивается аналогия с известным делом И. И. Искры и В. Л. Кочубея, где также не были привлечены к дознанию ни свидетели, ни обвиняемые, а изветчики под пыткой отказались от своих слов, в то время как измена Мазепы подтвердилась дальнейшими событиями.

Можно предположить, что в деле Резанова неслучайно возникает противопоставление Петра и турецкого султана. Тем более что сведения о недовольстве среди казаков положением дел после захвата Азова подтверждаются другими источниками. Так, например, по сообщению жителя г. Козлова К. Анцыфорова (от 14 апреля 1708 г.), побывавшего в стане булавинцев, казаки намеревались "то место, где ныне Азов и Таганрог, очистить, чтоб было все их казацкое"⁵².

Рассмотрим ситуацию на Дону более детально. Прежде всего, обратимся к делу, которое разбиралось почти параллельно с делом Резанова. Началось оно в апреле 1700 г., а закончилось в январе 1703 г. Казаки обвинялись в том, что не хотели пустить по одним данным - самого государя, а по другим - "государевы полки" "на остров", т.е. в Черкасск⁵³. Однако из дела видно, что подобные слова инкриминировались по сути только одному человеку, черкасскому казаку Рыковской станицы А. Чеботарю. О намерении казаков не пустить царские войска в Черкасск Чеботарь будто бы поведал дьячку Н. Васильеву⁵⁴. Причем Васильев настаивал на том, что, согласно словам Чеботаря, казаки намеревались не пустить в Черкасск именно царские войска, а не самого государя⁵⁵. Поначалу Чеботарь отрицал обвинение, но затем под пыткой признался: "про то де, что Государевых полков на остров не пустить, сказывал ему казак же Федор Соловецкой, а кто бы тех полков не пустил, того де ему не сказал, и от иных ни от кого про то не слышал"⁵⁶.

Ф. Соловецкой уже не мог ни подтвердить, ни опровергнуть правоту слов Чеботаря, поскольку был казнен по войсковому указу за намерение с другими "воровскими казаками" "воровства много учиня, и великому государю изменить, и на Кубань пойти"⁵⁷. Кроме того, и сам Чеботарь собирался покинуть Дон и уйти на р. Аграхань⁵⁸. "Быть

может, - пишет Усенко, - кое-кто в Черкасске и сочувствовал единомышленникам А. Чеботаря, покинувшем Дон, однако, показательно, что казаки подчинились указу ловить "изменников"⁵⁹. В этой связи представляется совершенно невероятным, чтобы среди казаков мог иметься какой-то широкомасштабный план сопротивления царским войскам. Кроме того, с большой долей уверенности можно говорить, что не было такого плана даже у немногочисленных "воровских казаков". На это указывают два обстоятельства. Во-первых, в извете Васильева речь шла, по сути, не о заговоре, а о какой-то гипотетической возможности каких-то казаков оказать сопротивление царским войскам⁶⁰. Во-вторых, если даже Соловецкой и некоторые другие казаки вели подобные разговоры, то на деле они предпочли не сопротивление, а уход в чужие края.

Другие источники также свидетельствуют, что в канун булавинского восстания донцы в целом оставались лояльными по отношению к царю. Усенко убедительно показал, что порой не кто иной, как сами изветчики, свидетельствуют о почтении к Петру со стороны казаков⁶¹. Так, согласно доносу беглого стрельца В. Иванова (1700 г.) казаки отдельных городков говорили: "Долго ль нам так жить, государева жалованья нам не дают, а которая де под нами земля есть, и тое де земли половину ныне у них отымают, пошла де от них к Москве станица бить челом о государеве жалованье, и тое де станицу на Москве по се время одержали, неведомо для чего, знатно, недаром: хотят де над нами учинить так же, что и над стрельцами, послали де они 10 человек казаков про тое станицу проведать... и они де станут дожидаться... а будет де те 10 человек привезут им вести недобрые, и они де все съедутся в Черкасской и о том подумают"⁶². Отмечу, что даже доносчик не приписывает казакам обвинений Петра в расправе над стрельцами.

По свидетельству того же Иванова, казаки весьма бурно реагировали на произнесение хулы в адрес царя отдельными донцами. Один казак во время пирушки в Краснянском городке гово-

стр. 128

рил, что "у нас де ныне государя нет, а то де не государь, немчин, а как бы де он был старой государь, и он бы де не так делал, а то де веру верует немецкую". Другие казаки, услышав эти слова, "на того казака кричали и прогнали его из избы насекомыми"⁶³. Интересно, что расследования по этому доносу не проводилось. Почему в Преображенском приказе ему не поверили? Усенко полагает, что "по всей видимости, донские казаки в это время не давали повода заподозрить их в оппозиционности правительству и царю"⁶⁴. Однако я полагаю, что причина была не в этом, поскольку другие доносы на донцов подвергались тщательной проверке. Возможно, определенную роль сыграла неважная репутация изветчика-стрельца. Он бежал со службы, по собственному признанию, "с пьянства своего", за что был в конечном итоге бит "кнутом нещадно" и сослан в Сибирь "на вечное житье"⁶⁵. Может быть, на решение не вдаваться в подробности этого извета повлияло то, что сам донос подчеркивал лояльность казаков царю. А лишний раз раздражать донцов в Москве, видимо, не хотели.

Возможно, какие-то выпады против Петра среди казаков все же имелись. Так, например, Петр, возлюбивший бояр, противопоставлялся своему брату Ивану, возлюбившему чернь⁶⁶. Возможно, даже один из казаков называл Петра антихристом⁶⁷. Правда, в последнем случае установить достоверность доноса не представляется возможным.

Однако самым убедительным, на мой взгляд, аргументом, приводимым Соловьевым и Усенко в пользу того, что в канун булавинского восстания антипетровские настроения не

играли на Дону какой-либо заметной роли⁶⁸, является отказ казаков поддержать Астраханское восстание 1705 - 1706 гг., а также выдача в Москву повстанческих посланцев⁶⁹. Конечно, и само Астраханское восстание с большим трудом можно назвать антимонархическим в собственном смысле слова, но важно то, что на Дону даже слухи, бытовавшие в Астрахани, не имели какого-либо серьезного значения. Об этом свидетельствует то, что именно донские казаки сообщили "на переговорке" астраханцам, среди которых ходили слухи о смерти Петра, что государь "многолетствует"⁷⁰. И, наконец, важно добавить, что источники не содержат никаких свидетельств о ропоте среди казаков по поводу того, что их собратьев, заподозренных в "непристойных речах" или в мятежных настроениях, посылают на следствие в Москву. Что также, видимо, свидетельствует о том, что в это время подобное разбирательство считалось среди донцов вполне законным.

Несмотря на все вышесказанное, нельзя все-таки упускать из виду стремление отдельных казаков, недовольных своим положением в канун бунта, покинуть Дон и уйти на р. Аграхань или Кубань. Несомненно, что это стремление было присуще сравнительно небольшой части казаков, однако без осмысления этого момента будет совершенно непонятно, почему булавицы решились уйти из-под власти русского царя.

Угрозы покинуть Дон имели давнюю традицию. В том или ином виде они звучали время от времени на протяжении всего XVII в.⁷¹ Примечательно, что даже С. Разин, относившийся с большим почтением к царской фамилии, весной 1670 г. среди дальнейших путей повстанческого движения предлагал рассмотреть возможность пойти "к иному царю служить"⁷². До поры до времени подобные стремления оставались неосуществленными, однако в конце 1680-х гг., после разгрома старообрядческого движения на Дону, часть казаков-раскольников ушла на р. Куму и Аграхань (Северный Кавказ), а другая, менее многочисленная - на Кубань⁷³. В 1692 г. группа аграханских казаков присоединилась к своим собратьям на Кубани⁷⁴. Видимо, основным мотивом ухода казаков с Дона в рассматриваемый период был запрет походов "за зипунами". Так, например, уже упоминавшийся казак Чеботарь следующим образом призывал дьячка Васильева присоединиться к нему для бегства на Аграхань: "Пошли де на Аракан, видишь де здесь что делается: на добычу де не пускают,... а на Аракане де беглые казаки Бусу розбили"⁷⁵.

Согласно доносу беглого солдата П. Прядильщикова (1700 г.), атаман скурихинской станицы А. Еремеев "с товарищи меж себя говорили: ныне де до них Государской милости не стало, пойдут де они на иную реку, да они ж де говорили: Великого де Государя указы разосланы по городам, чтоб Светлому Воскресению не быть, а разговляться б в Вербное Воскресение"⁷⁶. Правда, этот донос был признан ложным, поскольку Прядильщиков отказался от своих слов, объяснив их пьянством. Более того, он заявил, что и казаков таких не знает⁷⁷. Поскольку расследования по этому делу не проводилось, трудно установить, существовали ли такие казаки в действительности. Тем не менее, с большой долей уверенности можно утверждать, что, по крайней мере, часть этого извета не была выдумана беглым солдатом. Если про якобы существующий указ об отмене Пасхи Прядильщиков мог, допустим, придумать сам, основываясь на похожих толках, ходивших по всей России, то про специфические намерения и недовольства казаков он мог услышать только на Дону. В отписках войсковой старшины, не собиравшейся покидать Дон, пусть в завуалированной форме, но также чувствуется недовольство положением дел на Дону: "А под крымския и под ногайския жилища для добычей никуда ходить и задоров чинить по

его в. г. (великого государя. - *Е. Т.*) указу не велено, и им Войску никаких добычей ни откуда нет и взять негде, и без его в. г. (великого государя. - *Е. Т.*) жалованья пропитаться им нечем"⁷⁸.

Поскольку одной из причин такого положения на Дону был захват Азова, то вполне закономерно, что у некоторых казаков могло возникать желание любой ценой исправить положение. Так, по свидетельству бывшего солдата Преображенского полка Ф. Аристова, в 1701 г. казак Качалинского городка Н. Смирной, ушедший на Волгу в судовые работники, по дороге из Астрахани в Нижний Новгород говорил работным людям: "Азову де городу недолго де быть за Государем, взяв де Азов-город, донские казаки передадутся к турецкому султану по-прежнему". К сожалению, решения по этому делу не сохранилось. Однако известно, что Смирной так и не признал своей вины. Кроме того, и свидетели отрицали, что слышали подобные слова от казака. Интересно заметить, что какой-то "шум" о казаках и Азове некоторые из свидетелей все же слышали, но о чем "шумели" спорщики, они не знали⁷⁹. Таким образом, разговор, а вернее спор, все же имел место. А если он не носил предосудительного характера, то почему Смирной вообще отрицает тот факт, что этот спор происходил в действительности?

Если даже не принимать во внимание сведения, содержащиеся в вышеприведенных доносах, то все равно очевидно, что в это время казаки бежали не только на Аграхань за временной добычей, но и на Кубань под власть крымского хана, а значит и турецкого султана. Так, по словам попа рыковской станицы Ивана, привлеченного по делу Чеботаря, узнал он от своих прихожан, что "в прошлом году, изменив великому государю, бежал из Черкаского казак Савостка табунщик и живет на Кубани, а остался де в Черкаской сын его Еремка. И в прошедшем 1700 году перед святою неделю он Еремка отпущен из Черкаского на Кубань к отцу". Впоследствии поп узнал от донского казака И. Волдыря, вернувшегося "ис полону ис Кубани", что Еремка многих донских казаков соблазнил бежать на Кубань⁸⁰. Кубань могла быть привлекательна для донцов хотя бы тем, что крымский хан разрешал споры между кубанскими владельцами и тамошними казаками в пользу последних⁸¹.

Поскольку отдельные казаки не только выражали недовольство своим положением, но и бежали под власть чужих государей, можно предположить, что и в доносе Резанова была доля правды, и, возможно, какие-то "горячие головы" действительно думали схватить царя.

И, наконец, важно отметить, что К. Булавин и некоторые люди из его окружения были тесно связаны с казаками, бежавшими на Кубань. В письмах от 27 мая 1708 г. К. Булавин, помимо атамана кубанских казаков С. Пахомова, обращался также к своим знакомым казакам, ушедшим на Кубань из станиц Луганской, Трехизбянской, Митякинской. Двух других составителей писем, А. Ерофеева и Д. Игнатьева, связывали родственные и свойственные отношения с их предводителем С. Пахомовым: А. Ерофеев был его племянником, а Д. Игнатьев - шурином⁸². Отмечу также, что И. Некрасов, по свидетельству бывшего бахмутского атамана С. Кульбаки, "был в Голубых рядовым же казаком и в воровском замысле с Костькою, который наперед сего ушел на Аграхань для воровства ж и бунту... И великому государю во время азовского походу он, Игнашка, принес вину, за что по прощенью и наказанье ему учинено"⁸³.

Таким образом, накануне булавинского восстания казаки в целом оставались лояльными правительству и царю. Однако отрывочность сведений, содержащихся в расспросных речах, не дает полного представления о характере этой лояльности, т.е. была ли она основана только на прагматических соображениях или также имело место

иррациональное почтение к царю. В то же время для какой-то части казаков была вполне приемлема идея смены русского царя на крымского хана или турецкого султана.

Представляется, что верность донцов царю была обусловлена двумя причинами. Во-первых, правительство не покушалось на традиционную одежду и внешний облик казаков. "И тем де они, - говорил в посольском приказе 16 сентября 1705 г. атаман легкой станицы С. Кочет, - донские казаки, перед иными народами от него, великого государя, пожалованы и взысканы, что к ним и по се число о бородах и о платье его, великого государя, указу не прислано, и платье де они ныне носят по древнему своему обычаю, как кому из них которое понравится"⁸⁴. Во-вторых, попытки отыскать беглых крестьян, посадских и "иных чинов" людей, осевших на Дону, заканчивались практически безрезультатно⁸⁵.

Если такое положение вполне устраивало донцов, то Петр I не мог быть им доволен. 6 июля 1707 г. царь направил на Дон сыскной отряд под предводительством Ю. В. Долгорукова. Ему предписывалось "беглецов" "во всех казачьих городках, переписав, за провожатыми и с женами их и с детьми выслать по прежнему в те же города и места, откуда кто пришел"⁸⁶. С разгрома этого сыскного отряда в Шульгинской станице в ночь на 9 октября 1707 г. казаками под предводительством К. А. Булавина, как считалось до недавнего времени, и началось восстание. О. Г. Усенко попытался опровергнуть эту общепринятую точку зрения. Он утверждает, что толчком к бунту явились слухи о гибели Петра I и царевича Алексея от рук бояр и немцев. Ввиду

стр. 130

этих обстоятельств разгром отряда и убийство его предводителя стали возможны, поскольку, с точки зрения казаков, сыск беглых приобретал незаконный характер. Более того, по мнению историка, восстание вспыхнуло бы даже в том случае, если бы отряд Долгорукова не был послан на Дон, т. к. смерть государя была достаточной для этого причиной⁸⁷. Однако у меня есть серьезные основания сомневаться в подобных выводах. Дело в том, что ни в одном источнике, относящемся к осени-зиме 1707 - 1708 гг., нет ни одного упоминания о подобных слухах среди казаков. Более того, все "конкретные примеры", приводимые историком в пользу своей гипотезы, относятся к марту-апрелю 1708 г.⁸⁸ Но, прежде чем рассматривать роль слухов о Петре в это время, необходимо выяснить отношение повстанцев к царю в предыдущие месяцы.

Сведений на этот счет имеется немного, но, тем не менее, они весьма важны. Прежде всего, обратимся к показаниям участников одного из сыскных отрядов (т.е. отряда, посланного для сыска беглых на Дону), ротных писарей Г. Чертоусова и К. Богданова. На допросе 17 ноября 1707 г. они рассказали, что в октябре того же года взявшие сыщиков под караул казаки казарин-ского городка и близлежащих станиц произносили различные "ругательные слова" и, между прочим, "указ государев ни во что ставили и похвалялись их, офицеров и солдат и посланных войсковых старшин побить"⁸⁹. Однако остается лишь гадать, что в данном случае означает "указ государев ни во что ставили". Скорее всего, выражаясь пренебрежительно о царском указе, казаки не произносили какой-либо хулы в адрес самого Петра, поскольку вряд ли писари утаили бы это от следователей.

Видимо, именно в этот промежуток времени у Булавина, а возможно и у некоторых других повстанцев, возникла мысль об уходе из-под власти русского царя.

Вероятно, толки на этот счет велись уже в октябре 1707 г. Об этом свидетельствуют расспросные речи казака Л. Карташа. "Да ему ж де Леонтью, - рассказывал Карташ, - сказывали Кундрючья городка атаман Нестер Борода да Нестер Романов, после де убийства князя Юрия Долгорукова слышали они в Черкасском в кругу: есть ли де будет вор Булавин зимовать, и на весну де донские и хоперские казаки пойдут жить на Дарью реку и делают телеги"⁹⁰. По мнению К. В. Чистова, изучавшего легенду о "реке Дарье", трудно сказать "какая это именно Дарья (Сыр-Дарья, Аму-Дарья, вообще "Дарья" - т.е. река)"⁹¹. Видимо, корни этой легенды уходят к началу XVII в., когда яицкие казаки совершали набеги на земли Хивинского хана, и основали там свои поселения. Из показаний Карташа очевидно, что про реку Дарью было известно и донским казакам, однако действительно ли булавинцы собирались туда направиться, установить со всей определенностью невозможно, поскольку сведения об этом получены из третьих рук.

Более определенные сведения о желании "отложиться" от русского царя относятся к периоду пребывания Булавина в Запорожской сечи, куда он направился в ноябре 1707 г. после неудачного начала восстания на Дону. 29 декабря 1707 г. сотник Новосергиевского города поведал самарскому воеводе С. Шеншину, что после того как запорожские старшины отказали Булавину в помощи, "просил он Булавин кошевого, чтоб он дал ему с кошу лист и казаков до Крымского хана, чтоб с тем листом и с казаками ехать ему в Крым и просить у Крымского хана орды на вспоможение себе, для разорения великороссийских городов. И кошевой де о том не позволил и листа до хана не дал"⁹². Эта информация подтверждается и показаниями разведчиков (от 29 января 1708 г.), посланных острогожским полковником И. И. Тевяшевым в Запорожскую сечь⁹³.

Думаю, что цель союза с крымским ханом заключалась не только в том, чтоб побить "злых бояр" и "немцов", у Булавина были более далеко идущие планы. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство. В отписке черкасской администрации запорожским казакам (март-апрель 1708 г.) говорилось: "Изменник донской казак Кондрашка Булавин... сказывал вам, будто мы Войском Донским от в. г. отложились и для того, будто, его вора к вам прислали"⁹⁴.

Иная картина в отношениях к царской власти наблюдается в марте-апреле 1708 г. В это время после возвращения Булавина из Запорожской сечи восстание вспыхнуло с новой силой, охватив не только территорию Войска Донского, но и близлежащие уезды - Тамбовский, Козловский и др. Этот этап восстания закончился захватом 1 мая 1708 г. столицы Войска Донского Черкасского городка. Вот как характеризует этот период Усенко: "Речи и воззвания булавинцев в марте-апреле 1708 г. пропитаны уверенностью, что восставшие "стоят за великого государя, дом пресвятой Богородицы и истинную веру". Можно подумать, что повстанцы были убеждены в том, будто жизни монарха, а также церкви и религии что-то (или кто-то) угрожает"⁹⁵. В конечном счете, как отмечалось выше, историк считает, что булавинцы были убеждены в гибели государя. Попробуем разобраться, как влиял этот слух о царе на умонастроения повстанцев.

Собственно говоря, имеется только одно прямое упоминание о толках среди повстанцев насчет гибели монарших особ. Об этом "факте" поведал один из ближайших сподвижников Булавина Л. Хохлач в Пристанском городке 9 апреля 1708 г. "шпиону" А. Полухину, посланному Козловским воеводой Г. И. Волконским в стан булавинцев: "Тот воровский отоман Хохлачъ

говорил ему Афонасью будто в. г. и государя царевича в живые нет давно, а владеют де государством бояре да прибыльщики и немцы"⁹⁶. Усенко по этому поводу замечает: "Очевидно, подобные разговоры вели и другие участники движения, ибо в одном из донесений сообщалось: "восставшие говорят слова неистовые, что де их невозможно и писанию предать"⁹⁷. Однако источник, на который ссылается ученый, не позволяет сделать вывод, что "неистовые слова" следует однозначно трактовать как слова о смерти царя"⁹⁸. Хотя формулировка "невозможно и писанию предать", как правило, в документах тех лет означала какие-то "непристойные слова" о государе"⁹⁹. Так или иначе, но некоторые примеры, приводимые Усенко, косвенно все же могут свидетельствовать о толках насчет гибели царя. Так, например, казаки, руководимые все тем же Л. Хохлачом, в конце марта 1708 г. "говорили битюцким крестьянам, чтоб они на в. г. хлеба не сеяли, а пахали б на себя"¹⁰⁰.

Можно предположить, что логика казаков заключалась в следующем: государь умер, и хлеба на него сеять незачем. Это тем более возможно, если иметь в виду, что Хохлач, предводитель отряда, был распространителем слухов о царе. Однако этот эпизод может иметь и другую трактовку. Дело в том, что в марте 1708 г. Булавин приказывал своим казакам, в том числе и Хохлачу, не сеять хлеба в связи с предстоящими боевыми действиями"¹⁰¹. В связи с этим понятно, почему казаки запрещают дворцовым крестьянам сеять хлеб на своего непосредственного хозяина. Правда, при таком объяснении остается загадкой, почему крестьянам разрешается "пахать на себя". Возможно, подобный "антимонархический" выпад казаков объясняется гораздо проще. Дело в том, что битюцкий приказной, рассказавший об этом эпизоде, был жестоко избит була-винцами"¹⁰². Возможно, он решил в отместку очернить их в глазах властей. Казаки Хохлача, на утверждение А. Полухина, что они отогнали из-под Тамбова "государевых лошадей", отвечали, что "те лошади... боярские, а не государевы"¹⁰³. Возможно, Усенко прав, и казаки действительно полагали, что лошади стали "боярскими" после смерти государя"¹⁰⁴, однако на основании источника невозможно сделать столь однозначного вывода. Очевидно лишь то, что к царю эти казаки относились с почтением.

В источниках этого периода встречается слух о том, что Булавин посылал письма царевне Софье "для того, что де от нее к ним, Кондрашке и к воровским казакам, письма были ж"¹⁰⁵. Замечу, что царевны к этому времени уже не было в живых. Однако намерение некоторых повстанцев обратиться к Софье также может подтверждать наличие слухов о гибели царя, поскольку именно слухи о смерти Петра вызвали у московских стрельцов в 1698 г. желание посадить на престол царевну Софью или царевича Алексея"¹⁰⁶. Однако неизвестно, насколько подобные надежды на Софью были популярны среди казаков, и питал ли их сам Булавин. Известно лишь, что поведали об этом станичнику села Кузьминой гати Г. Курепонову в начале апреля 1708 г. несколько казаков"¹⁰⁷.

Наконец, как в письменных, так и в устных заявлениях повстанцев, в том числе и самого Булавина, за март-апрель 1708 г. содержатся призывы постоять за веру в сочетании с призывами постоять за государя"¹⁰⁸. Это также могло быть связано с толками о Петре. Прежде всего, необходимо обратить внимание на обеспокоенность повстанцев по поводу "истинной христианской веры". В Петровское время часто действия властей, затрагивающие религиозные чувства подданных русского царя, вызывали в головах людей мысли о беспорядках на самом троне. Например, именно этим были вызваны различные слухи о Петре, в том числе о его смерти, среди участников Астраханского восстания 1705 - 1706 гг. "¹⁰⁹ Особенно важно, что некоторые участники этого восстания собирались постоять за государя, когда до них доходили слухи о смерти Петра"¹¹⁰. Таким образом, подобные призывы означали необходимость постоять не конкретно за Петра, но за сам институт царской власти. О том, что реакция булавинцев могла быть аналогичной,

свидетельствует тот факт, что призыв постоять за веру и государя исходил непосредственно от Хохлача - человека, говорившего о гибели царя¹¹¹. Если добавить, что Хохлач был тесно связан как с Булавиным, так и с другими авторами подобных заявлений¹¹², то картина вроде бы становится вполне ясной. Тем не менее, это только предположение, которое требует тщательной проверки.

Итак, возможно, что слухи о Петре в марте-апреле 1708 г. оказывали определенное влияние на умонастроения повстанцев. Однако до конца это влияние определить трудно. Напомню, что существует единственное прямое свидетельство о слухах насчет царя и ряд косвенных. Причем последние не всегда можно отнести к слухам насчет Петра со всей определенностью. Более того, они составляют лишь малую часть среди известных свидетельств об умонастроениях булавиновцев в марте-апреле 1708 г.¹¹³

Так или иначе, но настроения казаков-повстанцев за вышеуказанный период можно охарактеризовать как верноподданнические. Даже люди, не сочувствовавшие булавиновцам, свидетельствуют, что враждебной силой для казаков являлся не царь, а "бояре" и "немцы"¹¹⁴. Отсюда

стр. 132

вполне объясним и призыв "постоять за государя". Не отменяет монархических настроений среди булавиновцев и наличие слухов о смерти Петра, поскольку повстанцы хотели служить царской фамилии, пусть и в лице царицы Софьи. Что же касается намерения булавиновцев уйти под власть чужеземного государя, то источники за март-апрель 1708 г. ничего подобного не отражают. Более того, жителей такайских деревень (Козловского уезда) в марте 1708 г. казаки "приводили к вере, что им в Крым и в Литву не отъезжать, а стоять бы с ними заодно за дом Пресвятыя Богородицы, за православную веру и за в. г."¹¹⁵

Однако совсем иная картина в отношении к царю среди булавиновцев наблюдается в мае 1708 г. В это время повстанцы добились наибольших успехов, захватив Черкасск и избрав новым войсковым атаманом К. Булавина, взамен казненному мятежниками Л. Максимова. 8 мая 1708 г. бывший бахмутский атаман С. Кульбака, допрошенный азовским губернатором И. А. Толстым, рассказал, что булавиновцы собираются, убив старшин и разграбив их имущество, "идти на Аграхань или на Куру реку, которая за Аграханью"¹¹⁶. Следует заметить, что Кульбака ушел из Черкаска 6 мая¹¹⁷, следовательно, мысли об уходе из-под власти русского царя обсуждались уже в начале этого месяца. Однако 24 мая в Ближней канцелярии в Москве Кульбака о целях булавиновцев говорил уже совсем иное. Он утверждал, будто после убийства старшин булавиновцы собирались "принести великому государю вину, чтоб они в том были прощены. А о замысле их воровском, приходе к Азову и к Троицкому и под украинные города, ничего он не слыхал, только говорят, чтобы скорее в том вину принести, не дожидаясь к себе государевых полков"¹¹⁸.

Противоречие в показаниях Кульбаки диктовалось, скорее всего, не забывчивостью казака, а намерениями самих булавиновцев. Согласно показаниям толмача К. Оттаганова в Посольском приказе 9 июня 1708 г., в Троицком (приблизительно между 24 и 28 мая) у него состоялся разговор с казаком "из старшины", убежавшим от Булавина, который сказал следующее: "А слух де ему Булавину есть, что идут на него многие государевы ратные люди, только он с ними бою дать не хочет, а хочет принести в. г. в вине своей повинную. А буде та вина его отпущена не будет, то намерение имеет он, очистив реку,

бежать на Кубань или в степь, где удобное место сыщется, и для того отослал от себя на Кубань посыльщиков 3-х человек"¹¹⁹.

Другие источники свидетельствуют не только о намерениях булавиинцев уйти на Аграхань или Кубань, но и о реальных контактах с кубанскими татарами и тамошними казаками-старообрядцами¹²⁰. Итогом подобных умонастроений повстанцев явились письма кубанским казакам от 27 мая 1708 г. с просьбой о посредничестве между донскими казаками и султаном и письмо непосредственно самому "турскому царю".

В то же время Булавин пишет письма царским полководцам и самому царю с заверениями в верноподданстве¹²¹. Правда, в этих же письмах появляются и старинные угрозы оставить Дон. Так, например, в письме от 12 мая 1708 г. казаки отмечают, что если правительственные войска придут на Дон, то "мы войском реку Дон и со всеми заполными реками тебе, великому государю, уступим и на иную реку пойдём"¹²². Кроме того, Булавин грозит не только покинуть реку, но и оказать сопротивление царским войскам: "И буде посланные полки будут наши казачьи городки войною разорять, и мы вам будем противиться всеми реками и с нами вкупе и Кубанцы"¹²³. Вероятно, упоминание кубанцев, в сочетании с угрозой оставить Дон, является весьма прозрачным намеком уйти в подданство к крымскому хану и соответственно турецкому султану.

Все вышеприведенные данные, на первый взгляд, показывают, что монархизм булавиинцев в мае 1708 г. весьма далек от так называемого "наивного". Однако трудно установить, насколько подобные настроения были свойственны всей массе булавиинцев. Так, например, А. П. Пронштейн и Н. А. Мининков полагают, что отписки царю и полководцам несут на себе влияние казачьей старшины, присоединившейся к восстанию, и не отражают умонастроения активных повстанцев. Так, в частности, по поводу письма царю от 12 мая 1708 г. историки пишут: "Само письмо обращено к царю, однако в нем нет народно наивно монархического духа, который был характерен для всех предыдущих повстанческих документов. Оно напоминает обычную войсковую отписку донской старшины, привыкшей к регулярному сношению с правительством". При этом сам тон письма авторы называют "миролюбивым"¹²⁴.

Позволю себе усомниться в правильности таких оценок. Во-первых, насколько известно, в первые годы XVIII в. отписки с подобными угрозами из Черкаска в Москву уже не писали. Во-вторых, сходство булавиинского послания и войсковых отписок чисто стилистическое. И его легко объяснить. Дело в том, что писарь Булавина И. Андреев занимал ту же должность и при прежнем войсковом атамане Л. Максимове¹²⁵. Что же касается отсутствия наивно монархического духа в посланиях царю, то призывы постоять за великого государя (которые можно считать проявлением таких умонастроений) в мае 1708 г. практически полностью исчезают и из посланий тех булавиинцев (М. Колычев, С. Дранный и пр.), которых нельзя отнести к числу черкасских старшин¹²⁶. Кроме того, письма кубанским казакам и турецкому султану, на которые

черкасские старшины не имели никакого влияния, по сути дела, не несут в себе ничего нового по сравнению с письмами царю и его полководцам. И, наконец, нет никаких сведений о том, кто и как создавал эти послания. Тем более, сами же Пронштейн и Мининков замечают, что активные предводители повстанцев (например, И. Некрасов) покинули Черкасск только через день после составления письма¹²⁷. Следовательно, и они могли повлиять на его содержание.

Наконец, Булавин, на первый взгляд окончательно, решает порвать отношения с Петром. В повстанческом письме султану читаем: "По сем писании войсковой атаман Кондратей Афонасьев и все Войско Донское у тебя турецкого султана милости прося и челом бью. А нашему государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что он многие земли и за мирным состоянием разорил и ныне разоряет"¹²⁸. Примерно в это же время Булавин произнес и свою "заповедь" о "запрете именованя великого государя".

Недовольство царем, а следовательно, желание "отложиться" от него, сформулировано Булавиным и его товарищами в письме кубанским казакам следующим образом: "А есть ли наш царь на нас с гневом поступит, и то будет турецкой царь владеть Азовом и Троицким городами". "А есть ли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших дедов и прадедов, или станет нам на реке какие утеснения чинить, и мы Войскам от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турецкого царя, чтоб турецкий царь нас от себя не отринул. И потому мы от своего государя отложимся, что нашу веру христианскую в московском царстве перевел, а у нас ныне отнимает бороды и усы, также и тайные уды у жен и у детей насильно бреют"¹²⁹.

На первый взгляд, перед нами явное противоречие: с одной стороны, казаки хотят отложиться от царя по религиозным мотивам, а с другой - согласны служить государю в том случае, если он будет "жаловать" казаков и не будет чинить им притеснений. Создается впечатление, что казаки готовы пожертвовать христианской верой ради своих вольностей и привилегий. Но, на мой взгляд, дело тут в другом. Думаю, что повстанцы понимали, что если царем будут сохранены казачьи вольности, то ничто не будет угрожать, в том числе, и бородам, и "тайным удам", а, следовательно, и самой христианской вере. Важным моментом для понимания отношения булавиновцев к царю является тот факт, что повстанцы нигде в письме не называют Петра антихристом или "обменным царем". Они предъявляют претензии вполне законному государю. Таким образом, для царя как бы устанавливается определенный предел в его власти над казаками, который он не должен нарушать, в противном случае они оставляют за собой право уйти служить к чужому царю. Причем подобная идея, как было показано выше, в том или ином виде существовала у казаков уже давно. Вряд ли подобное трезвое отношение к монарху можно обнаружить среди других недовольных Петром I.

Отправив письмо султану и произнеся свою "заповедь", Булавин вроде бы сделал окончательный выбор. Однако на деле все было сложнее. Так, например, 22 июня 1708 г., побывавший на Дону острогожский посадский человек Ф. Осьминин свидетельствовал: "А из Черкасского де от Булавина присылаются грамоты непрестанно, чтоб отнюдь из городков казаки и своевольцы на Русь под города и на Волгу для разоренья и на войска государевы войною не ходили"¹³⁰.

Почему Булавин колебался в своем выборе? Конечно, это можно объяснить тем, что переход на Кубань представлял большую трудность, тем более в условиях наступления царских войск. Также повстанцы прекрасно знали "о мирном состоянии" между русским и "турским" царями, и могли опасаться, что Турция выдаст их России. Кроме того, надежды на прощение со стороны Петра также не были беспочвенны. Возможно, все эти соображения имели место. Но, представляется, что сводить все к крайнему прагматизму, было бы тоже неверно. Вспомним, что настроения Булавина и других повстанцев в марте-апреле 1708 г. можно охарактеризовать как монархические. Трудно представить, чтобы эти настроения улетучились в один момент. В письме кубанским казакам булавиновцы следующим образом объясняют причины своего возмущения: "В прошлом 1707-м году они Лукьян с товарищи (имеется в виду бывший войсковой атаман Л. Максимов. - Е. Т.) описывались с бояры, чтоб у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку

выслать, кто откуда пришел с первого азовского походу. И по тем их прежде бывших старшин с бояры письму и совету прислали они бояре от себя к нам на реку полковника князя Юрья Долгорукова со многими начальными людьми для того, чтоб им старшинам с боярами всю реку разорить". Кроме того, "и в нынешнем 1708-м году они ж наши прежде бывшия старшины Лукьян да Ефрем (имеется в виду казненный булавинцами Е. Петров. - Е. Т.) с товарищи, пересоветов с бояры, по тому ж Северскому Донцу ездя, тако ж собранием, по городкам всякое разорения против вышеписанного чинили"¹³¹. Почему в отправлении Долгорукова на Дон булавинцы не обвиняют непосредственно царя? Интересно, что и выпады против царя, в отличие от его чиновников, не сопровождаются негативными эпитетами: "Много русские люди бегут к нам

стр. 134

на Дон, денно и ночью, с женами и с детьми от изгоны царя нашего и от неправедных судей, потому что они веру христианскую у нас отнимают"¹³².

Таким образом, "трезвость" булавинцев в отношениях к царю не следует преувеличивать. Очевидно, что решение перейти в подданство к турецкому султану давалось булавинцам нелегко. И связано это было не только с соображениями чисто прагматического свойства, а с глубоким почтением к персоне монарха, от которого было трудно отказаться в одночасье. Неудивительно, что один из виднейших повстанцев С. Дранный, видимо, продолжал питать надежды на государя. Из доношения Ф. В. Шидловского А. Д. Меншикову от 5 июля 1708 г. узнаем, что 30 июня под местечком Тор С. Дранный "читал свои прелесные письма, что стали они за правду и идут к Москве, уведомляючись, где государь, и для ускромения бояр"¹³³.

Кроме того, публичные выпады Булавина против государя остаются единственными подобными. Побывавшие в стане повстанцев ничего не говорят о каких-либо непристойных словах в адрес Петра. Более того, 2 июня 1708 г. бежавший из Черкаска донской казак К. Кабан сказал, что на "многие непристойные слова" произносившиеся К. Булавиным в кругу "верховых городков казаки в том кругу ему говорили, что он много говорит, а с повинною к великому государю не посылает"¹³⁴. И, наконец, следует заметить, что не для всех было приемлемо уйти на Кубань. К примеру, Н. Голый почему-то не ушел туда вслед за Некрасовым, хотя такая возможность у него была. Возможно, это также было связано с остававшейся надеждой на царя.

Безусловно, казачество не следует воспринимать как какую-то однородную массу, которая смотрела на царя совершенно одинаково. Однако загадка состоит в том, что порой у одних и тех же людей в отношениях к государю сочетались вроде бы несочетаемые вещи: иррациональное почтение и вполне трезвое отношение. Представляется, обусловлено это было исторической и политической спецификой возникновения и существования казачества. Рациональное начало в отношениях казаков к монарху объясняется, прежде всего, тем, что на протяжении многих лет донское казачество обладало широкой политической автономией. Достаточно вспомнить, что до 1671 г. казаки отказывались целовать крест на верность государю¹³⁵. Принесение присяги отдельными донцами в предыдущие годы Войском расценивалось весьма негативно. Так, например, казаки в своей войсковой отписке царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу (1632 г.), с одной стороны, просят простить их за убийство царского воеводы И. Карамышева, а с другой, отказываются подчиниться царскому указу приносить царю присягу: "И крестного целованья государи, как и зачался Дон казачьи головами, не повелось". Относительно двух атаманов, согласившихся в Москве присягать царю, донцы

пишут, что эти атаманы то "учинили, не помня старины, своими молодыми разумы, без нашего войскового совету и без приказа"¹³⁶.

Таким образом, получается, что казаки в определенном смысле своей войсковой указ ставили выше царского. Интересно заметить, что в некотором отношении такое положение сохранялось даже в начале XVIII в., т.е, когда многие права и вольности были казачеством уже утеряны. Так, в июле 1704 г. в послании Черкасской администрации майору Д. Шанкееву, прибывшему из Воронежа на р. Богучар для сыска корабельных работников, помимо обычных уверений адресата в том, что он действует без царского указа, между прочим говорилось: "без нашег(о) войскового ведома тебе хотя бис указом Великого Государя с той реки Бугучару казаков наших в Русь ссылать и сбивать с того места не за что"¹³⁷. Кроме того, находясь долгие годы на окраине страны, и тесно соприкасаясь с другими народами, казаки, в отличие от остальных подданных царя, понимали, что могут перейти в подданство к чужому государю. Это подтверждала и судьба их собратьев, кубанских казаков.

С другой стороны, почтительное отношение к государю тоже легко объяснимо. По мнению В. Г. Дружинина, кроме корыстных целей, которые заставляли поддерживать добрые отношения с московским государством, у казаков были и другие причины преданности царю. "Стоит вспомнить то, что большинство казаков были плоть, взятая от плоти Московского государства, выросшие до побега на Дон среди чисто русских традиций; они уносили на Дон воспринятые ими Русские взгляды на церковь и власть государя, которые не так легко могли уж утратиться"¹³⁸. Также необходимо добавить, что, несмотря на обособленность казачества от России, наиболее ярко выразившейся в словах "чтоб над нами Русь не владела"¹³⁹, не следует забывать, что казаки поддерживали с Россией тесные связи, где зачастую оставались их родственники, а, кроме того, казачество постоянно пополнялось "новопришлыми", что также не могло не влиять на умонастроения донцов.

Подведем итоги. За некоторыми исключениями, вплоть до мая 1708 г. настроения донских казаков можно охарактеризовать как верноподданнические. Причем в отличие от других подданных Петра I казаки в этот период не выражали особенного недовольствия не только царской властью как таковой, но и правящим монархом, что, в частности, выразилось весьма незначительным влиянием слухов о царе в их среде. В то же время среди части казачества существо-

стр. 135

вала идея, согласно которой казаки могут уйти из-под власти царя в случае неблагоприятного положения на Дону. Ввиду угрозы со стороны правительственных войск, по крайней мере, часть казаков выразила свое недовольство царем, который хочет попортить их казачьи права. Причем недовольство выражалось законному царю, а не узурпатору, например, "обменному царю", что весьма отличало казаков от посадских людей и крестьян. В то же время казаки, в том числе и сам К. Булавин, пытались примириться с царем не только из прагматических соображений, но и из иррационального почтения к государю. Таким образом, казачий монархизм был сложным явлением, одновременно и напомиравшим монархизм других подданных и имевший значительные от него отличия.

Примечания

- ¹ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906. С. 135.
- ² *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549 - 1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924. С. 575.
- ³ *Мининков Н. А.* Донское казачество XVI-XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления // Новый часовой. N 6 - 7. СПб., СП.
- ⁴ См. напр.: *Полевой Н. А.* История Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1843. С. 295; *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина. М., 1962. С. 108, 197; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 245, 246; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков. М., 1976. С. 140 - 141 и др.
- ⁵ *Савельев Е. П.* История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 ч. Ч. 3. Ростов н/Д., 1990. С. 415 - 416.
- ⁶ *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII-XVIII вв. Ч. 2. Тверь. 1995. С. 55 - 56.
- ⁷ *Королев В. Н.* "На Дону нет царя" // "De die in dien". Памяти А. П. Пронштейна (1919 - 1998). Сб. ст. Ростов н/Д., 2004. С. 241 - 257.
- ⁸ РГАДА, ф. 371. Преображенский приказ, оп. 1, ч. 1, д. 19, 122, 291; оп. 2, д. 815, 841, 1137.
- ⁹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. М., 1935. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707 - 1708). С. 461 - 465.
- ¹⁰ Эти сведения сообщил 2 июня 1708 г. в Азове местному губернатору И. А. Толстому казак В. Фролов, бежавший из Черкаска. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. N 6. 1960. С. 130. В советской исторической литературе разрыв булавиновцев с Петром I характеризовали либо как смену не оправдавшего надежд русского государя на нового "доброе царя" в лице турецкого султана (*Подъяпольская Е. П.* Указ. соч. С. 109), либо как полный отказ от "царистских иллюзий" (*Буганов В. И., Лебедев В. И.* Новое исследование о булавинском восстании // Вопросы истории. 1963. N 12. С. 125; *Буганов В. И.* Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1974. N 1. С. 56 - 57; *его же.* Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков. М., 1976. С. 141; *его же.* Булавиновцы. М., 1988. С. 241; *его же.* Петр Великий и его время. М., 1989. С. 115; *Пронштейн А. П.* Решенные и нерешенные вопросы истории и истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. N 7. С. 160).
- ¹¹ См., напр.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 327, 330, 332; *Подъяпольская Е. П.* Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707- 1709 гг. // Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 531.
- ¹² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 230, 450¹⁶⁷; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Пг., 1918. С. 191 - 194; Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 600 - 602, 650 - 655, 659 - 660, 684 - 686, 687 - 689, 694 - 698.
- ¹³ Подробнее о недовольстве Петром I см.: *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М. 1957; *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- ¹⁴ Анализ этих и других легенд о Петре I см.: *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 121 - 155.
- ¹⁵ Цит. по: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁶ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. М., 2004. С. 366.
- ¹⁷ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1143, л. 117 - 119, 213 - 214.
- ¹⁸ Социальные движения... С. 60, 260, 263, 331, 332, 336, 337 - 345, 348 - 351, 367; *Голикова Н. Б.* Указ. соч. Приложение 2. С. 316, 317.

-
- ¹⁹ Голикова Н. Б. Указ. соч. Приложение 2. С. 312, 316 - 317; Социальные движения... С. 337, 340, 342 - 344, 349, 351, 367; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 549.
- ²⁰ Социальные движения... С. 123 - 256; РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1144, л. 231 - 233, 245 - 248, 280 - 281; д. 1146, л. 1 - 8.
- ²¹ Социальные движения... С. 339 - 340, 356, 368; Голикова Н. Б. Указ. соч. Приложение 2. С. 317.
- ²² РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1149, л. 1 - 2.
- ²³ Социальные движения... С. 47, 49, 57 - 58, 73 - 76, 89 - 90, 134 - 135, 211, 320.
- ²⁴ Там же. С. 348, 364 - 370; Голикова Н. Б. Указ. соч. Приложение 2. С. 318; РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 458, л. 17 - 21, 73 об. - 78.
- ²⁵ Социальные движения... С. 87, 94, 139.
- ²⁶ Подробнее об отношении повстанцев к Петру I см.: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1915. С. 532; Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705 - 1706 гг. М., 1975. С. 180, 222 - 223, 310 - 311; Усенко О. Т. Указ. соч. С. 25 - 26, 29; Трефилов Е. Н. Слухи и толки о государе в среде участников Астраханского бунта (1705 - 1706): сравнительный анализ воззваний и расспросных речей // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2007. Вып. 3. N 25 (53). С. 49 - 65.
- ²⁷ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. С. 69 - 220.
- ²⁸ Нельзя не согласиться с Н. Б. Голиковой, что "крестьянство, проникнутое царистскими иллюзиями, верившее в добрые намерения царя, жадно прислушивалось ко всем слухам, стремясь найти причину ухудшения своей жизни. Поэтому они особенно легко и сочувственно воспринимали легенды о том, что Петр I не настоящий русский царь". Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. С. 168.
- ²⁹ См., напр.: РГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. 1, д. 496. Подробнее легенду о царевиче Алексее см.: Чистов К. В. Указ. соч. С. 141 - 155.
- ³⁰ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Яншиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 191 - 192; Чаев Н. С., Бибилова К. М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 19.
- ³¹ Отмечу, что войсковая старшина жаловалась московскому правительству на неудовлетворительное положение казаков ввиду подобных запретов. См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 76, 77, 82, 150.
- ³² Подр. см.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 145 - 168.
- ³³ См., напр.: Чаев Н. С., Бибилова К. М. Указ. соч. С. 19; Пронштейн А. П. Войско донское накануне булавинского восстания // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. М., 1969. С. 326.
- ³⁴ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 190 - 191. См. также: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 3 - 74, 107 - 110.
- ³⁵ Подр. см.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 202 - 203, 206 - 207, 211 - 213, 224 - 226; Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 74 - 79, 80 - 82. Подъяпольская Е. Н. Восстание Булавина. С. 64. Следует заметить, что ограничения, связанные с ловлей рыбы, были впоследствии несколько смягчены. См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 213 - 214.
- ³⁶ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 74 - 79, 83 - 106, 113 - 114; РГАДА, ф. 111 (Донские дела). 1705 г., д. 22; 1706 г., д. 19.
- ³⁷ Впервые попытка отыскать беглых на Дону была предпринята в 1698 г. См.: Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 134 - 135; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Указ. соч. С. 219 - 220. Подобные попытки предпринимались и в 1703 - 1704 гг. См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 219 - 220; Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 119 - 124; РГАДА, ф. 111, 1704 г., д. 5. Кроме того, и сама Черкасская администрация порой также пыталась противодействовать проникновению беглых на Дон. См., напр.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 115, 118.

³⁸ Соловьев С. М. Соч. в 18 кн. Кн. 8. М., 1997. С. 137; Краснов Н. И. Исторические очерки Дона // Русская речь. 1882. N 1. С. 196 - 197; Сватилов С. Г. Указ. соч. С. 130 - 131; Лебедев В. И. Булавиновское восстание. М.; Л., 1934. С. 30; Чаев Н. С. Булавиновское восстание (1707 - 1708). М., 1934. С. 26 - 27; Чаев Н. С., Бибикова К. М. Указ. соч. С. 17 - 18; Корчин М. Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д., 1949. С. 17 - 18; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 258; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Указ. соч. С. 223; Avrich P. Russian Rebels, 1600 - 1800. N.Y., 1972. P. 141. См. также: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях

стр. 137

ее главнейших деятелей. Кн. 3. Вып. 6. Репринтное воспроизведение издания 1873 - 1888 гг. в 7 вып. М., 1992. С. 594.

³⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 125, 137.

⁴⁰ Усенко О. Т. Политические настроения на Дону в 1697 - 1707 гг. и повод восстания К. А. Булавина // Клио. 1997. N 1. С. 149 - 154.

⁴¹ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1137, л. 7, 10 - 11, 41, 71 об. -72.

⁴² Там же, оп. 1, д. 19, л. 40 об. -41.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 13.

⁴⁴ Там же, л. 9 - 10, 40, 70 - 71.

⁴⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 137.

⁴⁶ Усенко О. Т. Политические настроения на Дону... С. 150. К такому же выводу пришел и американский историк Б. Боук. *Voesk B. J. Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads to 1739.* (Ph. D. diss., Harvard, 2002. P. 368 - 370).

⁴⁷ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1137, л. 36 - 39, 41 - 43, 72; оп. 1, д. 19, л. 41.

⁴⁸ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 72 - 72 об., 75; оп. 1, д. 19, л. 41 - 42 об, 43 - 43 об, 44 - 44 об, 47.

⁴⁹ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 75 об. -76; оп. 1, д. 19, л. 48, 48 об.

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 43, 70; оп. 1, д. 19, л. 48 об.

⁵¹ Усенко О. Т. Политические настроения на Дону... С. 151 - 152.

⁵² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 206.

⁵³ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 19.

⁵⁴ Там же, л. 17, 20, 25, 40.

⁵⁵ Там же, л. 18, 27. Рыковский поп И. Никифоров на допросах в Преображенском приказе также настаивал, что Н. Васильев рассказал ему о намерении казаков не пустить в Черкасск царские войска, а не самого царя, о чем поп и сообщил на круге в Черкасске весной 1700 г. Там же, л. 14 - 16, 21 - 23, 46 об. Правда, казак Б. Слюнин, сообщивший в Азове об извете И. Никифорова, утверждал, что поп на войсковом круге говорил о намерении казаков не пустить именно самого государя. Там же, л. 5, 6, 20, 28. Сообщение Слюнина подтверждает войсковая отписка (лето 1700 г.): Там же, л. 11 - 12.

⁵⁶ Там же, л. 19, 20, 27 - 28, 40 - 40 об., 42 - 42 об., 43 об., 44.

⁵⁷ Там же, л. 12, 15, 18, 19, 22, 26, 40 об., 46 об. -47.

⁵⁸ Об этом известно не только со слов других людей, но и со слов самого А. Чеботаря, не отрицавшего подобное намерение. См. подр.: Там же, л. 14, 17, 19 - 21, 25, 27, 28, 40, 40 об., 42 - 42об., 43 об. - 44.

⁵⁹ Усенко О. Т. Политические настроения на Дону... С. 151.

⁶⁰ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 19, л. 17, 25, 40.

⁶¹ *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 151.

⁶² РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 841, л. 2 - 3, 5 - 6.

⁶³ Там же, л. 3, 5.

⁶⁴ *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 151.

⁶⁵ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 841, л. 2, 7.

⁶⁶ Там же, оп. 1, ч. 1, д. 291, л. 27 - 29, 34 - 42, 45 - 47.

⁶⁷ Там же, л. 27 - 29, 34 - 36, 43 - 47. Отмечу также донос, свидетельствующий о пренебрежительном отношении к самому институту царской власти. Согласно извету "захребетника" А. Харина, на предложение одного казака Кардаильского городка выстрелить "про Государево здоровье" (дело происходило 29 июня 1703 г., во время царских именин), казак Я. Степанов ответил: "Диковина де царские Имянины, даром де порох терять, плевать де на то дело". Впоследствии Харин отказался от своего доноса. К тому же это единственное свидетельство подобного рода, а, следовательно, серьезных выводов на основании данного источника делать нельзя. Кроме того, из дела видно, что казаки стреляли "про государево здоровье", а значит, не вняли словам Я. Степанова. См. подр.: РГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. 1, д. 122.

⁶⁸ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 125, 137; *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 152.

⁶⁹ Подр. об этом см.: Социальные движения... С. 13 - 19, 23 - 25, 36 - 38, 43 - 45, 54 - 55, 61 - 62, 64, 65 - 66, 77 - 81, 328.

⁷⁰ Там же. С. 340.

⁷¹ См., напр.: Донские дела. Кн. 2 // Русская историческая библиотека. Т. 24. СПб., 1906. Стб. 702; *Мининков Н. А.* Указ. соч. С. 10; *Воевк В. J.* Op. cit. P. 206 - 207, 209.

⁷² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. М., 1954. С. 253.

⁷³ *Дружинин В. Т.* Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. С. 184, 189, 191 - 196, 208 - 212.

стр. 138

⁷⁴ Там же. С. 210 - 212. Подробнее о кубанских казаках до ухода с Дона И. Некрасова см.: *Усенко О. Т.* Начальная история Кубанского казачества (1692 - 1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сборник научных трудов. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63 - 77; *Боук Б. М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. N 4. С. 30 - 38.

⁷⁵ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 19, л. 19, 27, 40 - 40 об., 42 - 42 об., 44.

⁷⁶ Там же, оп. 2, д. 815, л. 3.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 109.

⁷⁹ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 291, л. 5 - 6, 8, 10 - 11, 12.

⁸⁰ Там же, д. 19, л. 16 - 19, 23 - 24, 27. О подговоре донцов бежать на Кубань см. также: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 204 - 205. Ввиду вышеприведенных сведений особого внимания заслуживает донесение австрийского посланника О. Плейера от 7 марта 1700 г., согласно которому к нему пришел казак и сообщил, что донцы собираются отложиться от Петра I. См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. Приложение. С. 651.

⁸¹ *Боук Б. М.* Указ. соч. С. 35.

- ⁸² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 462 - 463. См. также: *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина. С. 104 - 105.
- ⁸³ Новое о восстании К. Булавина. С. 125.
- ⁸⁴ Социальные движения... С. 18.
- ⁸⁵ Так, например, в 1703 г. стольники М. Кологривов и М. Пушкин, проводившие сыск беглых, ни в одном из пятидесяти городков не нашли ни одного человека. Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 120.
- ⁸⁶ Там же. С. 113.
- ⁸⁷ *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 154 - 156; *его же.* Психология социального протеста... Ч. 2. С. 13 - 14. Совершенно идентичную концепцию выдвинул после Усенко В. И. Лесин. См.: *Лесин В. И.* Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д. 1998. С. 94 - 96; *его же.* Еще раз о характере движения под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина // Проблемы источниковедения и отечественной истории. (Памяти А. П. Пронштейна). Ростов н/Д., 1999. С. 150, 157 - 159; *его же.* Мятежная Россия. М., 2000. С. 30 - 31, 62 - 64, 73 - 74, 78 - 79, 81, 85 - 86, 93. Отмечу, что некоторые дореволюционные историки уделяли определенное внимание слухам в среде булавинцев. См.: *Ригельман А. И.* История о донских казаках. М., 1846. С. 96; *Дубасов И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. М., 1884. Вып. 3. С. 56 - 57.
- ⁸⁸ *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 156.
- ⁸⁹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 147.
- ⁹⁰ Там же. С. 163.
- ⁹¹ *Чистов К. В.* Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд). М., 2003. С. 349. В комментарии к одной из песен о Дарье-реке Б. Н. Путилов пишет: "В песнях о татарском полоне Дарья-река вряд ли обозначает конкретное географическое понятие, скорее - это общее, эпическое наименование реки, отделяющей русскую землю от татарской". Народные исторические песни. М.; Л., 1962. С. 320 - 321.
- ⁹² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 363.
- ⁹³ Там же. С. 368.
- ⁹⁴ Там же. С. 376.
- ⁹⁵ *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 156.
- ⁹⁶ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 20.
- ⁹⁷ *Усенко О. Т.* Указ. соч. С. 156.
- ⁹⁸ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 203.
- ⁹⁹ См., напр.: РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1137, л. 3.
- ¹⁰⁰ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 182 - 183.
- ¹⁰¹ Там же. С. 186 - 187, 196.
- ¹⁰² Там же. С. 182 - 183.
- ¹⁰³ Там же. С. 201.
- ¹⁰⁴ *Усенко О. Т.* Политические настроения на Дону... С. 156.
- ¹⁰⁵ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 190.
- ¹⁰⁶ Восстание московских стрельцов 1698 года. Сб. документов. М., 1980. С. 72 - 74, 98 - 99, 102, 112, 117, 125 - 126, 129 - 130 и др.
- ¹⁰⁷ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 190.

¹⁰⁸ Там же. С. 196, 230, 450 - 452.

¹⁰⁹ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. Приложение 2. С. 312, 316 - 317; Социальные движения... С. 337, 340, 342 - 344, 349, 351, 367; История Свейской войны. С. 549.

¹¹⁰ Социальные движения... С. 263, 339 - 340.

¹¹¹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 230.

¹¹² Там же. С. 187, 195; Новое о восстании К. Булавина. С. 139 - 140. О сходстве мыслей по поводу смерти царя у Л. Хохлача и подручных ему казаков косвенно может свидетельствовать то, что в качестве конечного пункта булавинского движения они называли Польшу. См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 196, 203. О. Г. Усенко полагает, что "мысли о заграничном походе были вызваны, очевидно, тем, что Петр I в то время находился с войсками в Польше. Следовательно, восставшие полагали, что смерть царя наступила именно там". См.: Усенко О. Г. Политические настроения на Дону... С. 156.

¹¹³ Цели и планы булавинцев в марте-апреле 1708 г. неплохо известны. Среди них, помимо двух упоминаний Польши, ничто не указывает на слухи о государе. Побывавшие в стане булавинцев (в том числе и недоброжелатели), наверняка, не утаили бы разговоры о царе, если бы таковые активно велись. См. подр.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 165 - 172, 174 - 179, 183 - 189, 191 - 192, 194, 199 - 200, 204 - 209, 213, 221, 226, 232, 234, 372, 375, 378; Новое о восстании К. Булавина. С. 138 - 142.

¹¹⁴ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 165 - 167, 174 - 175, 186 - 187 и др.

¹¹⁵ Там же. С. 196. Ср. с присягой, которую давали сами донские казаки в 1671 г.: "И в Крым, и в калмыки, и в Литву, и в немцы, и в иныя государства не отъехать". Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. С. 148.

¹¹⁶ Новое о восстании К. Булавина. С. 122.

¹¹⁷ Там же. С. 122.

¹¹⁸ Там же. С. 125.

¹¹⁹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 261.

¹²⁰ Там же. С. 244, 250, 253, 258, 269, 270, 272, 275, 303, 306, 424, 460 - 461; Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707 - 1709 гг. // "Материалы по истории СССР". Вып. V. М., 1957. С. 525; Новое о восстании К. Булавина. С. 126 - 129. См. также: Дипломатические сообщения английского посланника Чарлза Витворта (1704 - 1708) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 16 - 17.

¹²¹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 452 - 457; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 650 - 655, 684 - 689, 694 - 697. См. также: Вып. 1. С. 191 - 194.

¹²² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 652.

¹²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 685. См. также: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 455.

¹²⁴ Проништейн А. П., Мининков Н. А. Указ. соч. С. 257 - 258.

¹²⁵ Новое о восстании К. Булавина. С. 125.

¹²⁶ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 250, 459 - 460; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 655, 683 - 684. Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. С. 49 - 50.

¹²⁷ Проништейн А. П., Мининков Н. А. Указ. соч. С. 257.

¹²⁸ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 465.

¹²⁹ Там же. С. 464.

¹³⁰ Там же. С. 278.

¹³¹ Там же. С. 461 - 462.

¹³² Там же. С. 464.

¹³³ Там же. С. 290.

¹³⁴ Новое о восстании Булавина. С. 129.

¹³⁵ Присягу казаки принесли после выдачи С. Разина московскому правительству. Текст этой присяги см.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3. С. 146 - 149.

¹³⁶ *Попов Х.* Материалы для истории Войска Донского // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1915. Вып. 13. С. 160 - 166.

¹³⁷ РГАДА, ф. 111, 1704 г., д. 5, л. 1 об.

¹³⁸ *Дружинин В. Г.* Указ. соч. С. 63.

¹³⁹ Эти слова были сказаны в письме запорожским казакам (не ранее 26 мая 1708 г.) одним из предводителей казаков-повстанцев С. Драным. Труды Историко-археологического института АН СССР. Т. 12. С. 460.